

Кадровое обеспечение легкой промышленности: проблемы и поиск решения^{*}

О.А. КОЛЕННИКОВА, кандидат экономических наук,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва.
E-mail: kolennikova@mail.ru

В статье рассматривается влияние проводимой государством политики на кадровые процессы в легкой промышленности, признанной в числе приоритетных производств в области импортозамещения. С 1990 г. численность занятых в отрасли сократилась в пять раз, сложился устойчивый дефицит работников ключевых профессий. При этом подготовка рабочих кадров фактически полностью легла на плечи предприятий. Согласно материалам опроса, проведенного ИСЭПН РАН среди руководителей отраслевых предприятий, они не могут в полной мере решать вопросы кадрового обеспечения и полагают, что только комплексные программы развития всей отрасли могут способствовать возникновению стимулов для долгосрочных вложений в трудовой потенциал. Пока же проводимую государством политику эксперты оценивают как первые шаги – проявление заинтересованности, дополненное единичными мерами поддержки. *Ключевые слова:* кадровое обеспечение, легкая промышленность, стратегическое планирование, трудовой потенциал, профессиональная подготовка, государственная поддержка

Развитие отечественной легкой промышленности полно драматических взлетов и падений. В 1990-е гг. непродуманный переход к рынку обернулся для отрасли катастрофой. В течение полутора десятков лет она (наряду с машиностроением) лидировала по темпам сокращения удельного веса в производственном потенциале страны. В середине 2000-х на высшем уровне было озвучено намерение государства заняться ее восстановлением, и в 2009 г. была принята Стратегия развития легкой промышленности на период до 2020 г. В 2014 г. резкое ослабление рубля и введение экономических санкций привели к тому, что отрасль была признана стратегической, а ее производители включены в государственную программу импортозамещения в части проектного инвестиционного финансирования.

Цель статьи – показать, что кадровые процессы в легкой промышленности шли и продолжают идти вразрез со стратегическими программами и планами развития отрасли, и без включения в них

^{*}Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–02–00443.

всего комплекса условий воспроизводства трудового потенциала реализовать поставленные цели едва ли возможно.

Для анализа, помимо официальной статистики, использовались результаты социологического исследования по проблематике трудового потенциала в приоритетных производствах, проведенного сотрудниками ИСЭПН РАН в 2016–2017 гг. в семи субъектах РФ. Методология исследования и характеристики выборки приведены в ранее опубликованной статье [1]. В данной работе использованы материалы опроса руководителей предприятий легкой промышленности, организаций высшего и среднего профильного образования, а также отраслевой ассоциации работодателей в Ивановской области, проведенные методом структурированного интервью. Важными стали и личные впечатления автора, полученные в ходе посещения производственных цехов предприятий.

Советское наследие: нарастание кадровых проблем

Кадровый потенциал, которым располагает на сегодняшний день отечественная легкая промышленность, представляет собой трансформацию количественных и качественных черт трудовых ресурсов, сформированных еще в советское время.

В рамках плановой системы отрасль была крупным и важным звеном народного хозяйства, ее доля в объеме промышленного производства составляла 12%, что соответствовало уровню таких стран, как США, Германия, Италия. Но легкая промышленность располагалась на ее нижних технологических этажах [2], что означало, помимо прочего, высокую трудоемкость и низкую производительность.

В 1990 г. удельный вес занятых в легкой промышленности составлял 10,9% от показателя в целом по промышленности: на 4555 предприятиях этой отрасли работало 2288 тыс. чел. промышленно-производственного персонала (ППП). В отрасли преобладал женский труд (82–83% персонала) и широко применялись ночные смены, а в структуре ППП была очень высока доля рабочих кадров (более 87%) [3].

Сравнительные исследования показывали, что советская легкая промышленность по эффективности сильно отставала от промышленно развитых стран. В частности, в 1980-е годы в США выработка на одного рабочего текстильной индустрии

была в 3,2 раза больше, чем в СССР. Хотя все основные технологические операции были механизированы и автоматизированы, вспомогательные выполнялись вручную, поэтому так называемая физическая загруженность рабочих составляла 70–80% рабочего времени. При этом по заработной плате, которая достигала 82% среднего уровня в экономике, отрасль отставала от всех других промышленных комплексов.

Тяжелые условия труда вкупе с низкой зарплатой порождали высокую текучесть кадров: с предприятий отрасли ежегодно выбывало до трети работников [4]. И уже с 1970-х гг. на многих предприятиях стал ощущаться дефицит кадров. В центральных регионах страны уже в 1980-е гг. рабочие места пополнялись в основном за счет привозной рабочей силы из Башкирии, Мордовии, даже Бурятии и Киргизии [5]. По свидетельству респондентов нашего опроса, в Ивановскую область молодежь приезжала со всего Советского Союза. Для работы в Москве и Ленинграде широко использовалась система лимита.

Основным источником для обновления кадров была разветвленная система профобразования, включающая базовые училища и учебные центры на предприятиях с относительно жесткой системой распределения специалистов. Кроме того, существовала сеть учебно-производственных комбинатов, на которых школьники проходили теоретическую подготовку с организацией практики на рабочих местах. Но эта система себя не оправдала: на производство приходили лишь около 10% получивших таким образом профессию [6].

Неблагоприятная ситуация с обеспечением легкой промышленности кадрами была закономерным результатом финансирования отрасли по остаточному принципу, непродуманной технической политики. По оценке руководителей, техническое и технологическое отставание их производств от ведущих зарубежных фирм составляло примерно 20–25 лет. Но даже после поставки современного импортного оборудования полностью реализовать его возможности не удавалось из-за некачественного сырья и материалов, отсутствия запчастей и других проблем. К тому же, как правило, при закупке импортного оборудования на обучение кадров фирмой-изготовителем дефицитные валютные средства не выделялись.

Уже на излете существования СССР на высшем уровне было принято решение подключить к выпуску современного ткацкого и иного оборудования (в том числе лицензионного) предприятия военно-промышленного комплекса. Параллельно должно было идти реформирование системы подготовки и переподготовки кадров [7]. В рамках конверсионных программ были выделены значительные средства, проведена коренная техническая модернизация ряда ведущих оборонных предприятий, и действительно отдельные виды оборудования были освоены и даже начали выпускаться серийно. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. объемы выпуска отрасли в натуральных показателях не только не росли, но даже падали. Численность кадров в 1990 г. была на 12,8% меньше, чем в 1985 г. (в основном на текстильных и кожевенно-обувных производствах). В конце 1980-х годов во внутреннем потреблении треть изделий легкой промышленности были импортными [8].

Адаптация к рынку: не востребованность трудового потенциала

Либерализация цен, открытие внутреннего рынка и распад СССР привели к краху отрасли: в 1996 г. выпуск важнейших категорий товаров легкой промышленности составил лишь 8–24% от уровня 1990 г.; доля отрасли в общем объеме ВВП сократилась с 7,8% до 1,8%, а в структуре поступлений в бюджет – с 26% до 2% [9]. При этом большинство предприятий пытались избежать массовых сокращений. При падении выпуска за 1991–1995 гг. в 4–10 раз численность промышленно-производственного персонала, по официальным данным, снизилась лишь на 41,8% и была, по оценкам экспертов, как минимум, в три раза выше, чем требовалось для имевшегося объема производства.

К началу 1994 г. большая часть предприятий была остановлена или работала неполное рабочее время, а масштабы скрытой безработицы оценивались в 0,7–1 млн человек. Тогда же отрасль окончательно утратила доминирующее положение на внутреннем рынке (который и без того значительно сузился из-за распада СССР).

В то время высказывалось даже мнение о бесперспективности развития в стране легкой промышленности, поскольку почти вся сырьевая база для нее осталась в бывших союзных

республиках или в дальнем зарубежье (приходилось ввозить 100% хлопка, 44% шерсти, 70% синтетических волокон, 100% натурального шелка) [10]. С середины 1990-х гг. потребительский спрос на товары народного потребления удовлетворялся в основном за счет импорта. Даже для обмундирования государственных служб и силовых структур продукцию частично заказывали за рубежом.

Безусловно, в 1990-е гг. в отрасли наблюдались серьезнейшие структурные изменения, направленные на ее рыночную адаптацию (разукрупнились фабрики, размывалась их узкая специализация, расширялся ассортимент и др.), но они не подкреплялись соответствующим повышением технологического уровня. Даже на успешных предприятиях, которые смогли резко повысить уровень руководства, сформировать грамотные команды менеджеров, разработать стратегии развития (а таких было около 20–30% в каждой подотрасли), отсутствовали возможности для серьезных инвестиций. А складывавшиеся правовые и экономические условия противодействовали их появлению. В итоге в отрасли стали преобладать процессы распада предприятий, профессиональные и деловые качества большинства трудовых коллективов оказались не востребованы.

2000–2010-е годы: изменение отношения к отрасли со стороны государства

В XXI веке отрасль вновь стала рассматриваться в числе бюджетообразующих. Катализатором изменений в отношении государства стал кризис 1998 г., высветивший ее специфические проблемы, которые лежали именно в зоне ответственности государства, – чудовищные объемы контрабанды и контрафакта. По данным Федеральной таможенной службы (ФТС) России, в общем объеме внутреннего рынка изделий легкой промышленности в 2005 г. отечественная продукция составила лишь 19,4%, официальный импорт – 11,4%, а незаконно ввезенный товар и продукция неучтенного производства – 69,2%. Основной производственный потенциал отрасли на тот момент определяли не более 100 базовых предприятий [11], фактически встал вопрос о необходимости заново создавать в стране легкую промышленность [12].

Хотя доля незаконно ввезенного и неучтенного товара в 2008 г. сократилась, по оценке ФТС, до 41,7%, их место в розничном товарообороте занял официальный импорт (38,2%), а объемы отечественного производства остались практически на прежнем уровне (20,1%). Тем не менее эти меры со стороны государства расценивались как первый сигнал к тому, что на отрасль обратили внимание [13].

Что же происходило в кадровой сфере? К 2009 г. на предприятиях легпрома работали только 464,9 тыс. чел. (20,3% от уровня 1990 г.). Между тем, по исследованиям Института экономики переходного периода, несмотря на огромное количество высвобожденных работников с начала 2000-х гг. в отрасли ощущалась нехватка кадров, приобретающая устойчивый характер. Так, в 2000–2003 гг. 28–30% обследованных предприятий легкой промышленности не были укомплектованы работниками, в 2004–2007 гг. доля таких предприятий выросла до 40–55%, а в 2008 г. – до 59%. Острота кадровой проблемы в легкой промышленности была самой высокой среди индустриальных отраслей, почти вдвое превышая показатели в машиностроении [14]. При этом *на предприятиях отрасли, в том числе в руководящем составе, появилось достаточно много людей без профильного образования*, что свидетельствовало о кризисных явлениях в системе профессиональной подготовки кадров.

В 2009 г. на уровне Министерства промышленности и торговли РФ была, наконец, принята Стратегия развития легкой промышленности на период до 2020 г. Но при отсутствии действенных механизмов реализации заявленные в ней цели и задачи так и остались чисто декларативными. В 2013 г. в ходе работ по корректировке Стратегии-2020 выяснилось, что за пять лет, прошедших с начала ее реализации, ни в одной из системных проблем отрасли (дефицит сырья, высокая доля теневого оборота, технологическая отсталость предприятий, высокий уровень цен на энергоресурсы и налоговой нагрузки, низкий – инвестиций и государственной поддержки) не произошло позитивных изменений. К ним добавились издержки в связи с вступлением в Таможенный союз и ВТО.

Неудивительно, что за 2009–2013 гг. численность промышленно-производственного персонала отрасли сократилась на 24,3% (а на текстильных и кожевенных производствах – на 33,8%).

Причинами стали закрытие предприятий, отдельных производств и отток работников, вызванный крайне низкой заработной платой и тяжелыми условиями труда: по оценкам, удельная трудоемкость производства на отечественных предприятиях была в 3–5 раз выше, чем за рубежом.

Сокращение трудового потенциала отрасли не удалось остановить и в последующие годы. В 2016 г. на предприятиях легкой промышленности работали только 300,9 тыс. чел (против запланированных 336,3 тыс. чел.). Подробный анализ динамики занятости показывает, что в отрасли продолжают стихийные структурные перемены. Так, в текстильных производствах число работников снижается на предприятиях начальных этапов технологического цикла (в прядении и ткацком производстве), тогда как в отделке и выпуске готовых текстильных изделий (кроме одежды) наблюдается рост, как и в производстве нетканых текстильных материалов и изделий. В швейной подотрасли количество работников сократилось на 15%, в кожевенно-обувной – на 18,8%.

Изменения в структуре трудового потенциала напрямую коррелировали с процессами выбытия и ввода производственных мощностей и их загрузки. В частности, ввод новых мощностей для изготовления нетканых материалов (в 2015 г. они составили 56% отраслевого выпуска) был связан не только с быстрорастущим спросом на продукцию, но и с малолюдностью технологий, в то время как начальные этапы технологического цикла в текстиле и кожевенно-обувных производствах очень трудоемкие и требуют высокой квалификации рабочих.

Отрасль и ее кадры в наши дни

С начала реализации Стратегии-2020 число крупных и средних предприятий в отрасли сократилось с 841 в 2009 г. до 539 в 2016 г. (текстильных – на 32%, швейных и меховых – на 61%, кожевенно-обувных – на 24%). В целом же 71% всех работавших в 2016 г. предприятий начали свою деятельность в 1990–2010-е годы (во многих случаях – используя еще «советскую» производственную базу и трудовой потенциал). Лишь 29% действующих предприятий созданы до 1991 г. Среди них есть фабрики с до-революционной историей, некоторые советские предприятия, а также компании, возникшие на волне создания кооперативов.

Что же позволило им выжить и оставаться в числе производителей? Можно выделить три базовых фактора. *Первый* – качество управления предприятием. В описанных выше «штормовых» для отрасли условиях резко возросла роль топ-менеджмента. В частности, на обследованных производствах именно усилиями руководства реализуется продуманная тактика обновления производственных мощностей в условиях, когда капитал не идет в малорентабельную отрасль, и нет возможности произвести полную модернизацию. Руководители предприятий «расширяют» узкие места путем приобретения отдельных видов оборудования и их встраивания в технологический процесс, организуют новые участки для выпуска востребованной продукции и (или) отсутствовавшие ранее производственные звенья.

Вторым важным фактором была поддержка региональных властей, которые еще в 1990-е гг. в отсутствие шагов со стороны федерального центра стали относить легкую промышленность к числу приоритетных отраслей и реализовывать с тем или иным успехом собственные программы поддержки и стратегии развития.

Третий фактор – использование дешевого труда. Сохранившиеся предприятия минимизируют издержки на труд, поддерживая низкий уровень заработной платы, а также выводя производства в «глубинку» или привлекая кадры оттуда. Так, в Ивановской области самые крупные прежде текстильные комбинаты в областном центре закрылись, современные производства в основном сконцентрированы в районах области. Поэтому на протяжении 1990–2010-х годов заработная плата в легкой промышленности оставалась крайне низкой. В 2016 г. в текстильных производствах она составляла лишь 56% среднего уровня в экономике, в швейных и кожевенно-обувных – 41 и 54% соответственно. Не случайно в отрасли распространен дешевый труд иностранных мигрантов.

Наше социологическое исследование позволило дополнить и раскрыть ряд характерных черт трудового потенциала. Во-первых, численность персонала предприятий (как производственного, так и административно-управленческого) оптимизирована до минимума. Это достигнуто за счет частичной модернизации производства, широко распространенной практики взаимозаменяемости работников и совмещения профессий. Управленческая

цепочка на фабриках стала очень короткой (упразднены существовавшие ранее промежуточные звенья). Основной контингент составляют рабочие (75–80% общей численности), и потребность в них в 3–4 раза выше, чем в специалистах. Жесткая оптимизация персонала не позволяет брать в достаточном количестве учеников и обучать их на перспективу, хотя ранее их «натаскивали» годами. Сегодня же на современное оборудование тем более не поставить новичка. На большинстве обследованных предприятий в ближайшее время планировался запуск новых участков (в том числе по программам импортозамещения), но дополнительный набор персонала (даже не более 120–200 чел.) был трудноразрешимой задачей.

Во-вторых, трудовые коллективы стабильны, их ядро составляют работники с большим производственным стажем и высоким уровнем квалификации, который достигнут в том числе благодаря сохранившимся традициям. Но из-за слабого притока молодежи наблюдается доминирование работников старших возрастных групп (48–50 лет), что несет определенные риски по мере достижения ими пенсионного возраста.

В-третьих, образовательный и квалификационный уровень трудовых коллективов – это гибридный продукт советской системы подготовки кадров для отрасли и западных производителей – поставщиков оборудования.

В-четвертых, предприятия испытывают серьезный дефицит работников ключевых производственных профессий, таких как ткачи, операторы разного типа оборудования, квалифицированные швеи, помощники мастера, мастера, и огромные проблемы с восполнением этого дефицита. По свидетельству респондентов, не более 10% из тех, кто ушел в проблемное для предприятий время и трудоустроился в других сферах, вернулись в отрасль.

На рынке труда свободных ресурсов необходимой квалификации нет, поэтому поиск и привлечение персонала с опытом работы сильно затруднены. Так, при наличии в регионе большого неформального сектора основная масса швей имеет навыки пошива простых изделий (что не требует специального образования), но их квалификация не соответствует требованиям швейных фабрик. Но привлечь на работу даже людей без профессионального образования и опыта работы непросто. Основными

конкурентами за такие кадры выступают предприятия торговли, общественного питания и сферы бытового обслуживания населения, а также занятость в неформальном секторе (значительная его доля – теневая). Респонденты признают, что по оплате и интенсивности труда, режиму работы и другим критериям в большинстве случаев они в этой борьбе проигрывают.

В последние восемь лет образовательные учреждения региона не готовят кадры по профессиям и специальностям начального и среднего профессионального образования для текстильной отрасли, в лучшем случае – лишь для швейных предприятий, и тех недостаточно. Из последнего выпуска по профессии «ткач» в Ивановском колледже легкой промышленности в 2008 г. ни один из выпускников не нашел работу по специальности из-за серьезных экономических трудностей, которые на тот момент испытывали производители текстиля.

На сегодняшний день ни в одном образовательном учреждении Ивановской области нет материально-технической базы для подготовки ткачей, прядильщиков, раклитов и других текстильных профессий. Оборудование устарело, а восстановление материально-технической базы требует значительных финансовых вложений. Для сравнения: стоимость одного современного ткацкого станка сопоставима с затратами на все швейное оборудование, необходимое для комплексного обучения специальностям и профессиям швейных производств. Не говоря уже о том, что преподаватели и мастера производственного обучения вынужденно переквалифицировались. При этом наши респонденты полагают, что даже если будут найдены необходимые средства и открыт прием студентов, едва ли удастся набрать необходимое число желающих обучаться по рабочим текстильным профессиям.

Что предпринимают предприятия, чтобы решить вопросы обеспечения необходимыми кадрами? Специалистов с высшим образованием в регионе готовят профильные университеты, и крупные предприятия стараются взаимодействовать с ними для привлечения молодых специалистов руководящего звена. Для «закрытия» же рабочих вакансий предприятия возродили систему ученичества – обучение новичков необходимым навыкам на рабочем месте. На ряде производств сложилась неформальная практика, когда одним из условий увольнения (в том

числе выхода на пенсию) для кадровых работников является подготовка себе «смены».

Практикуются поиск и привлечение высвободившихся работников из других районов, где закрылись текстильные предприятия (включая собственные филиалы и структурные подразделения), причем радиус охвата территорий все время расширяется. При этом, несмотря на дефицит кадров, кандидаты с «вредными привычками» на работу не принимаются – отсутствие каких-либо резервов труда вынудило руководство предприятий ужесточить требования к дисциплине. Возобновляется работа со старшеклассниками в рамках профориентации и трудового обучения в надежде, что хоть какую-то часть из них удастся привлечь на конкретное предприятие.

Система обеспечения кадрами легкой промышленности в советское время имела серьезные дефекты, но в плане подготовки кадров она свою функцию выполняла. Сегодня фактически произошел откат назад, когда обучение ключевых кадров, от которых зависит развитие отрасли, легло полностью на плечи предприятий. Но эта вынужденная мера представляется малоперспективной. Профессиональный рост современных работников подразумевает не только совершенствование практических навыков, но и теоретических знаний. Большинство же предприятий в условиях неустойчивости и изменчивости экономической ситуации не вкладывают средства в дорогостоящую подготовку кадров на перспективу, а каждое из них в меру собственных возможностей решает текущие проблемы по закрытию той или иной вакансии.

Обновленная Концепция развития отрасли: ориентация на рост занятости

В связи с резким ослаблением валютного курса рубля и введением экономических санкций государственные структуры, ответственные за состояние отрасли, пересмотрели стратегические планы ее развития. Минпромторгом предложена обновленная Стратегия развития легкой промышленности до 2025 года, которая в числе главных направлений предполагает переориентацию текстильного производства на синтетические материалы; развитие кожевенного производства; локализацию производства одежды и обуви; создание и развитие российских брендов; минимизацию

нелегального производства и контрафактного импорта. Согласно Стратегии-2025, число занятых в отрасли будет расти в среднем по 3% в год и в 2025 г. достигнет 518 тыс. чел. При этом предполагается создать (в зависимости от сценария) от 245 до 330 тыс. новых рабочих мест.

Политика стимулирования создания новых рабочих мест включает различные меры, но ни одна из них не затрагивает описанные выше проблемы развития трудового потенциала. Очевидно, авторы документа предполагают, что эти проблемы исчезнут сами собой. Не решены вопросы оплаты труда, размер которой неадекватен трудовым усилиям. Ориентация на низкую заработную плату как конкурентное преимущество в перспективе является тупиковой, и описанный выше опыт последних десятилетий – тому прямое доказательство. Трудоспособное население регионов, в первую очередь молодежь, перемещается из мест с низкими заработками и напряженным рынком труда в областные и столичные центры (в том числе вахтовым методом), поэтому рано или поздно стратегия использования дешевого труда неизбежно столкнется с демографическими ограничениями.

Наши респонденты хорошо понимают, что возможности привлечения «дешевых» кадров сужаются, и нужно создавать производства, где условия труда существенно лучше. По их оценке, комплексные инвестиции позволили бы увеличить производительность труда в 3,5–4 раза и поднять зарплаты, что в конечном итоге снизит остроту кадровой проблемы.

Из других недостатков предлагаемых в Стратегии-2025 мер поддержки стоит отметить их ориентацию преимущественно на базовые предприятия отрасли (впрочем, и в прежние годы господдержку получало небольшое число крупных предприятий). Между тем в отрасли в 2015 г. осуществляли деятельность 9494 малых предприятия, из которых 72% – микропредприятия. Помимо корпоративного сектора, еще есть неформальный, в котором, по данным Росстата, занято 70 тыс. чел. Все они совершенно выпадают из поля зрения авторов стратегии.

Легкая промышленность – одна из самых динамично развивающихся отраслей мировой экономики. Но только не в России. Доля отечественных товаров в объеме продаж на внутреннем рынке не превышает четверти. Проблема же создания равноправных

конкурентных условий для производителей не разрешена до сих пор. Общий объем незаконного оборота изделий легкой промышленности оценивается на уровне 35% (из них около 50–60% приходится на продукцию стран дальнего зарубежья, 25–30% – стран Евразийского экономического союза и около 15% – неучтенное собственное производство), но правоохрнительным органам удается выявлять и задерживать лишь около 20% незаконной продукции [15].

Сопоставление с Китаем, Узбекистаном, Вьетнамом, Турцией, европейскими производителями по всему кругу условий, включая господдержку, по мнению наших респондентов, далеко не в пользу России. По их мнению, в первую очередь нужны комплексные программы, направленные на ликвидацию многочисленных «черных дыр» в технологических цепочках, поскольку резко усилилась зависимость предприятий от импортных поставок сырья, материалов, оборудования, концепций модного дизайна и т.д.

По мнению руководителей предприятий, реализация крупных проектов при поддержке государства могла бы подтвердить серьезность намерений последнего относительно будущего развития отрасли и стать дополнительным стимулом для долгосрочных вложений в формирование трудового потенциала отрасли. В той же Ивановской области много надежд возлагается на строительство комбината полиэфирного волокна (в рамках программы развития текстильно-промышленного кластера). Планируется, что до 30% продукции комбината будет перерабатываться в области, а это был бы настоящий толчок к ускоренному развитию всего куста текстильных и швейных предприятий региона, как традиционных, так и принципиально новых. Однако уже десять лет как идея выдвинута, а комбинат так и не запущен.

В целом наши респонденты оценили проводимую государством политику как первые шаги – проявление заинтересованности, налаживание нормальных взаимоотношений с Министерством промышленности и торговли и единичные меры поддержки, а саму стратегию развития отрасли – как декларацию намерений, пока слабо подкрепленную конкретными шагами.

Литература

1. *Коленикова О.А., Токсанбаева М.С.* Обеспечение приоритетных производств качественными трудовыми ресурсами: проблемы дефицита и набора кадров // Народонаселение. – 2017. – № 3. – С. 92–105.
2. *Яременко Ю.В.* Экономические беседы. – М.: Центр исследований и статистики науки, 1999. – 344 с.
3. Промышленность Российской Федерации. 1992. – М.: Госкомстат России, 1992. – С. 9; 16; 122; 127.
4. *Васильев А.Н.* Экономические проблемы развития легкой промышленности. – М.: Легпромбытиздат, 1988. – 158 с.
5. Текстильное производство: время перемен («круглый стол») // ЭКО. – 1984. – № 4. – С. 53–80.
6. Трудовой потенциал: проблемы подготовки и использования кадров // Текстильная промышленность. – 1990. – № 6. – С. 25–26.
7. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 26.03.1988 N412 «О мерах по техническому перевооружению легкой промышленности в 1988–1995 годах, обеспечивающих ускоренное решение проблемы удовлетворения потребностей населения в товарах».
8. Активизация внешнеэкономической деятельности в легкой промышленности стран – членов СЭВ («круглый стол») // Текстильная промышленность. – 1990. – № 5. – С. 3–18.
9. Программа Правительства РФ «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах». Утв. Постановлением Правительства от 31.03.97 № 360.
10. *Шапиро И.И.* Состояние и перспективы развития текстильной и легкой промышленности России // Текстильная промышленность. – 1995. – № 11. – С. 9–15.
11. Пути развития текстильной и легкой промышленности // Текстильная промышленность. – 2004. – № 1–2. – С. 50.
12. *Амосов А.И.* Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития. – М.: Издательство ЛКИ, 2015. – 312 с.
13. *Жуков Ю.В.* Шаг сделан? // Швейная промышленность. – 2005. – № 1. – С. 2–5.
14. Кризисная экономика современной России: тенденции и перспективы / А. Абрамов, Е. Апевалова, Е. Астафьева [и др.]; науч. ред. Е.Т. Гайдар. – М.: Проспект, 2010. – С. 235.
15. Основные формы незаконного оборота продукции на потребительских рынках России и меры противодействия / В.В. Радаев, Е.С. Бердышева, Н.В. Конрой, З.В. Котельникова. Аналитика ЛЭСИ. Вып.17. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2017. – 416 с.